

НАША СТРАНА

Год издания 72-й. Буэнос Айрес, 21 марта 2020

“NUESTRO PAIS”

Buenos Aires, 21 de marzo de 2020

No 3122

Невозможный выбор, безвыходное положение

Профессор Жан-Поль Бэсс – хорошо известный православным писатель. Доктор исторических наук, специалист по вопросам Католической Реформации и Христианского Востока, автор очень многих трудов, из которых упомянем два относящиеся к России: «Елизавета Федоровна принцесса-мученица» и «Великий Князь Николай, царь или регент?». Он также лауреат премии Французской Академии за свою книгу «Жизор в истории». Прихожанин, на протяжении многих десятилетий, православного Лесненского монастыря, он увековечил его в замечательном труде «От Царей к изгнанию: Екатерина Лесненская» – об эмблематической фигуре его основательницы и первой игуменьи, урождённой графини Евгении Борисовны Ефимовской.

Ни на йоту не отрекаясь от своих глубоких и многолетних убеждений, то землетрясение, которое изнутри взорвало Русскую Зарубежную Церковь, и потрясения им испытанные с того момента, заставили его отойти от РПЦЗ и эпизодически посещать собор на рю Дарю в Париже, из-за красоты его богослужений и богатого исторического наследия, которое он собой воплощал. Увы, злые текущие времена не сберегли эту парижскую цитадель с уже столь бурным юрисдикционным прошлым.

Предложим беглый исторический обзор странствий этого церковного образования, вышедшего из Белой Русской Эмиграции.

До 1926 года, под руководством митрополита Евлогия, оно является Русской Зарубежной Церковью в Западной Европе, но порывает с ней, чтобы присоединиться к московскому патриархату, где – не сохранив верность «Декларации лояльности» советскому правительству, которую оно подписало, – попадает под прещение и примыкает к Константинопольскому Патриархату, которому будет верна вплоть до 1945 года, когда тот же самый митрополит Евлогий решает вернуться в Московскую Патриархию, незадолго до своей смерти, имевшей место несколько месяцев спустя.

Его преемник, митрополит Владимир, принял решение вернуться вновь под Константинополь, где это церковное образование находилось до 1965 года, когда патриарх Афинагор, в сговоре со своим московским собратом Алексием Первым, решил положить конец этому русскому «экзархату», доверяя «его духовенство и паству заботам и отеческой любви московского патриарха».

Архиепископ Георгий (Тарасов), преемник митрополита Владимира, вместо того, чтобы признать сорокалетние ошибки и вернуться в лоно Зарубежной Церкви, как она ему это официально предлагала, отказывается

от константинопольского предложения и бросается в авантюру одностороннего создания независимой русской Архиепископии Западной Европы.

Понадобится пять лет, чтобы понять насколько это решение было канонически нежизнеспособным и в 1971 году он снова возвращается под юрисдикцию Константинополя, однако уже не с завидным статусом экзархата, но как простая епархия русских приходов, присоединенная к Константинопольскому Патриархату через посредство местного парижского греческого епископа.

После 28 лет такого «наказания», патриарх Варфоломей (уже он!) издаёт томос, создавая русскую Архиепископию-Экзархат, под своей юрисдикцией. В ноябре 2018 года тот же Варфоломей, видно большой поклонник таких расторжений, расторгает им же выданный лет двадцать до этого томос, распускает эту несчастную Архиепископию, которая ничего и ни от кого не требовала, и предписывает её всё менее и менее русским приходам просто влиться в парижскую греческую митрополию.

Вот такова дилемма перед которой очутилась эта юрисдикция, обычно называемая «евлогийской». Что делать? – как сказал бы Ленин, вслед за своим учителем Чернышевским.

После того как почти целый век, евлогиане прилагали всю свою мудрость, чтобы объяснить, что их каноничность зиждется на их принадлежности к Константинополю, большинство их, с архиепископом во главе, противореча своему собственному уставу, отдались в руки Москвы.

Сложная дилемма: выбор невозможный, если его надо делать между этими двумя патриархатами так мало, скажем мягко, привлекательными.

Но евлогиане сами себя поставили в такое безвыходное положение, и это начиная с 1926 года. Сегодня они за сие расплачиваются.

Рядом, Жан Бэсс, в сочной статье рисует для нас, со своей обычной изысканностью, живое полотно последних перипетий, так как он их переживал.

**Протоиакон Герман
Иванов-Тринадцатый**

Лишился век уж части пятой,
Двадцатый на пороге год...
И всё странней и непонятней
Непредсказуемый народ

Сейчас начнут куранты мерить
За мигом миг на рубеже...
Я не хочу, Россия, верить,
Что не Россия ты уже...

Антон Васильев
31.12. 2019

ОТ АВАНТЮРИЗМА К ИЗМЕНЕ

ПАРИЖСКАЯ АРХИЕПИСКОПИЯ С РЮ ДАРЮ

Весь мир теперь уже это знает. После месяцев вранья и артистической расплывчатости, «евлогийская» архиепископия Парижа скинула маску. Она добровольно и глупо отдала себя в когти великого хищника – Московской Патриархии.

После нью-йоркских псевдосинодалов, которые «перепрыгнули через дорогу», или вернее – через пропасть, в 2007 году, что отмечается в каждом джорданвилльском типиконе (!), евлогиане, сведенные к состоянию скелета (их кафедральный собор в Париже на рю Дарю), без монастыря, ни семинарии и теряя приходы (в частности прекрасные русские храмы во Флоренции и в Сан-Ремо, где долгое время находились останки короля Николая Черногорского), примкнули к московскому Великому Вавилону.

Должно подчеркнуть, что нынешний архиепископ, бывший французский католический семинарист из Бордо, ставший священником франкоязычной крипты в Шамбези (Женева), вознёсся во иерархию столь стремительно, сколь неожиданно.

Назначенный помощником блестящего слависта и литургиста Владыки Иова (Геча), он ходатайствовал при Фанаре – исторический район в Константинополе, где расположена резиденция патриарха – чтобы Владыку Иова уволили из Парижа, под жалким предлогом «истеричности» (sic). Он сам в доверительном разговоре признался мне в этом тогда. Можете вообразить какое доверие мне внушает такой архиепископ.

Однако наследник никак не был на высоте своей жертвы. Возведённый в сан архиепископа, он показал себя неспособным правильно совершать обряды Русской Церкви. После многих лет, можно слушать как он ужасно коверкает воскресные Евангелия, разрезая слова на две части, соединяя разделённые слога, изумляя верующих и проезжих своим патетическим невежеством. Церковно-славянский язык не интересует «Монсиньора».

Зато Москва его давно лелеет. Владыка Антоний Женевский (Бартошевич), от кого – юным монахом лет пятьдесят назад

– он зависел канонически, дал ему разрешение учиться в Свято-Сергиевской парижской семинарии. В 1970 году, нанеся ему неожиданный визит, я с недоумением увидел в его келье портрет советского «патриарха» Алексия Первого (Симанского), бывшего «обновленца», превратившегося в креатуру Иосифа Сталина!

Я ему тогда показал замечательный альбом, который издал в США диакон Никита Чакиров, посвящённый храмам русской диаспоры. По его взгляду я понял, что он внутренне потерян и лишён настоящих убеждений. Это основа его характера.

Когда он стал архиепископом в Париже, он мне заявил, что не позволит Москве захватить кафедральный собор. Он тогда был грекофилом. Приглашённый Константинополем, от которого зависел, на «священный и великий всеправославный собор» на Крите в 2016 год, он вернулся оттуда энтузиастом, заявляя, что отсутствие представителей Москвы в данном случае было непростительным!

В 2018 году Константинопольский Патриархат ему внезапно сообщил об упразднении его небольшого русского парижского экзархата и передачи его приходов под омофор греческого митрополита во Франции.

Как только это случилось, чувствуя, что его персона потеряет всякое значение, он мне заявил: «Я не подчинюсь. Русские под греческим сапогом – это не работает! Как написал в своих мемуарах митрополит Евлогий, нужно вернуться к Матери-Церкви, к Москве».

Евлогий, как факт, совершил эту же самую фатальную ошибку в 1945 году, перед своей смертью. Он даже получил от Сталина советский паспорт № 1.

Церковная легенда, о якобы неотъемлемых правах Церквей-Матерей, была очень полезна до 1991 года для разных советских режимов в Восточной Европе, чтобы соблазнить и приманить эмигрантов Зарубежья. Они должны были вернуться любой ценой, даже ценой собственной жизни, в лоно «Матери-Церкви».

Итак, совершив это, Владыка Иоанн Ренет тем самым впал в схизму, поскольку Москва прервала евхаристическое общение с Константинопольской и с Элладской Церквами в 2018 году.

С тех пор Владыка Иоанн, который столь мало русский, внезапно почувствовал себя достойным наследником митрополита Евлогия. Он стал объезжать свою епархию, но так, как политики проводят выборную кампанию. Он созывал множество собраний духовенства и мирян, стремясь добиться своей цели. В переговорах с новым митрополитом Иоанном, которого Кирилл Московский весьма кстати назначил в Пари-

же, он получил заверения, что он будет моментально принят, если Константинополь его низложит из-за непослушания.

Благодаря решающему голосованию, хотя по-видимому частично мошенническим, тот который скромно (!) называл себя Иоанном Хариопольским (номинальный титул правящего архиерея в турецкой Европе), получил тогда немногим больше 55% голосов. Это было достаточно, чтобы «перейти в Москву».

Внезапно, во время службы имя Кирилла Гундяева заменило имя патриарха Варфоломея. И в мгновение ока произошла метаморфоза Иоанна Хариопольского в «Иоанна Дубенского»! Фарс был разыгран. Здесь нужен бы Гоголь или Лесков, чтобы его описать, но действительность превзошла вымысел.

Когда, вернувшись с каникул, где был лишён интернета, я пошёл в собор на рю Дарю вечером 20-го сентября, я заметил эти изменения во время провозглашения ектении.

Я внутренне решил выразить моё абсолютное отвержение перед лицом архиерея. Когда он кадил храм, я повернулся к нему спиной. А когда он вернулся в алтарь, я сел, имея на это право в моём возрасте — 71 год. Эти молчаливые выражения недовольства раздражили „Его Величие“. Он внезапно вышел из алтаря, во всю прыть направился ко мне, чтобы меня отчитать как 8-ми летнего мальчишку! “Я не мог поступить иначе!” — заговорил он лихорадочно. — “Я только сделал то, что уже рекомендовал митрополит Евлогий!”

Тихим голосом, я ему ответил: “Вы меня убили. Не разговаривайте с мёртвым. Я не изменю свою позицию. А что касается Евлогия, он наделал много глупостей”.

Эта сцена, на виду у всех присутствовавших верующих, во время богослужения, была сюрреалистической. Она

много говорит о жалком человеке вызвавшем её. Но статья посмешит однако не убивает.

Можно ли вообразить православного иерарха русской, греческой или болгарской традиции участвующего в архиерейском облачении, во время всеобщей, в подобной комедии? Нет, это мог сделать только французик мрачных годов католичества, эпохи ужасного разбойнического Второго Ватиканского Собора (1962-1965), французик посредственный, хотя и любезный, модернист, оппортунист и думающий только о спасении своей митры.

С этой, уже шестой, перемены юрисдикционной принадлежности «евлогий», самой презренной и неоправданной из всех, можно предположить, что она будет последней, ибо сергианство есть огромная тюрьма. Темница святого Иоанна Крестителя была более узкой, но не менее фатальной. Подарок Ироду Антипе, по примеру многих тиранов XX-го и XXI веков, этих «бесов» Достоевского, одновременно трусливых и жестоких, показывает нам цену подчинения Москве. На серебряном блюде чудовищного приношения видится сегодня парижский собор святого Александра Невского, всемирно известного и посещенного двумя царями — , его благодетелем Царём Александром Вторым Освободителем и святым Царём Николаем Вторым. Символ духовного сопротивления и изгнаннической свободы на протяжении целого века, он ныне отдан под красные звезды Кремля, находящиеся вблизи от отвратительной мумии Ленина, новой Иродиадой, «религиозной демократией», обличенной Шарлем Моррасом в 1921 году, но столь присутствовавшей на Всероссийском Соборе 1917 года, как показал выдающийся богослов Николай Афанасьев.

Жан Бэсс

СУДЬЯ РФ: СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ПРЕСТУПНАЯ

Судья Конституционного Суда Российской Федерации Константин Арановский назвал Союз Советских Социалистических Республик «незаконно созданным государством» и заявил, что Российская Федерация не должна считаться правопреемником «репрессивно-террористических деяний» советской власти.

По его мнению, Российская Федерация должна обладать конституционным статусом государства, «непричастного к тоталитарным преступлениям». Такие заявления содержатся в мнении судьи по одному из свежих решений Конституционного Суда.

Господин Арановский подчеркнул, что современное российское государство было создано не как преемник Советского Союза, а «вместо и против» него. При этом судья уверен, что Российская Федерация должна возмещать вред, причиненный СССР, — но не как наследник государства-виновника, а «с верой в правду, из положительной ответственности и по милосердию».

Свое мнение судья Конституционного Суда РФ Константин Арановский высказал в дополнение к декабрьскому постановлению КС о возмещении жилья, отнятого в ходе советских репрессий. Три заявительницы родились в высылке или спецпоселении, куда были отправлены их родители. Они хотят получить жилье в Москве, где их семьи проживали до репрессий, однако столичное законодательство не давало им такой возможности.

Суд встал на сторону женщин; господин Арановский подчёркивает, что согласен с этим решением, но считает необходимым дополнительно высказаться по вопросу правовой ответственности России за преступления, совершенные советской властью. «Российская Федерация не продолжает собою в праве, а заменяет на своей территории государство, незаконно однажды созданное, что и обязывает ее считаться с последствиями его деятельности, включая политические репрессии», — уверен он.

«Уже это одно делает спорным правопреемство с перенесением на Россию обязательств коммуно-советской власти из ее репрессивно-террористических деяний», — считает судья КС. Он подчеркивает, что «вина, бесспорно, присутствует в составе многолетнего злодеяния» советской власти, — но уверен, что нельзя «переместить вину, тем более столь безмерную и непрощительную, с одного субъекта на другой, как меняют членство в Совете Безопасности ООН.

ПРОГРАММА МЕРОПРИЯТИЙ В ПАМЯТЬ О ТРАГИЧЕСКОЙ 75Й ГОДОВЩИНЕ ВЫДАЧИ КАЗАКОВ КАЗАЧЬЕГО СТАНА И XVго КАЗАЧЬЕГО КАВ. КОРПУСА ГЕН. ФОН-ПАННВИЦА

СУББОТА, 30 МАЯ 2020 г.

- 06.30- Божественная Литургия в Казачьем приходском храме св. апостола Андрея Первозванного на главной площади гор. Лиенца по адресу Antoniuskirchl am Hauptplatz Lienz
- 09.00
- 10.00- Панихида у памятника ген. Г. фон-Паннвицу и 32 тыс. казакам XVго Казачьего Кавалерийского Корпуса Село Tristach под Лиенц/Lienz
- 11.00- Панихида на Казачьем кладбище в пригороде Лиенца «Пеггетц»
- 12.00- Лития у мемориала бывшего Казачьего моста и панятника лейб-каззаку Сергею Дюбюину
- 13.00- Обед
- 15.00- Ддя желающих: посещение Казачьего музея в Лиенце на центральной площади по адресу Lienz, Hauptplatz 3, 1.Stock. Вход за пожертвование.
- 17.00- В 15:00 часов открытие выставки «Генерал Петр Николаевич Краснов»
- 18.00- Вечерня в Казачьем приходском храме св. апостола Андрея Первозванного (Antoniuskirchl am Hauptplatz Lienz)

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 31 июня 2020 г.

- 09.00- Божественная Литургия с поминовением жертв трагической выдачи (храм св. апостола Андрея Первозванного)
- 14.00- Ддя желающих: посещение Казачьего музея в Лиенце на центральной площади по адресу Lienz, Hauptplatz 3, 1.Stock. Вход за пожертвование.

ЗНАЧЕНИЕ ПОСОХА

Опубликованная на сайте "Интернет Собор" информация навела меня на эту тему.

Никогда не вникал в вопросы протокола в области ношения посохов, и даже не подразумевал, что в этом может быть вопрос.

Но оказывается в декабре 2017 года в Московской Патриархии детально проанализировали этот кардинальный вопрос и пришли, в данном случае, в полное согласие с Константинопольским Патриархатом: в присутствии первоиерарха все архиереи — руки по швам и никаких посохов!

Что об этом сказать, разве что это мимикрирование этих "римских пап в уменьшенном формате" под старший ватиканский брат, где Папа выше прочих архиереев и является иной онтологической сущностью?

В Русской Православной Церкви Заграницей такого, естественно, никогда не было, и вполне понятно почему.

Интересно было бы проследить, как поступают те, кто в 2007 году вышли из Зарубежной Церкви и вступили в Московскую Патриархию.

Посох есть символ власти, в данном случае, архиерейской.

В христианской Церкви есть всего три степени священства: диаконство,

священство и архиерейство. Патриарх, митрополит, архиепископ и епископ есть один и тот же архиерей с разными административными, и возможно почётными, функциями и различиями, но с одинаковой сущностью.

Символ посоха не есть внешний признак почёта, это не вторая панягия или крест с украшениями, а является неразрывной принадлежностью самой архиерейской сущности. Посох торжественно и с большим символическим значением вручается новопоставленному архиерею и этим завершается весь глубокий чин хиротонии.

Не зря Блаженнейший Митрополит Антоний (Храповицкий), в том же духе, выступал против института викарных архиереев, не как помощников правящего архиерея, а как совсем полноценных архиереев.

Нет — архиерей есть архиерей и ущемление прав архиерея есть настоящее беззаконие. Нас также всегда удивляет и коробит обычай, встречающийся у Греков, когда в присутствии первоиерарха, сослужившие ему прочие архиереи не носят митры, а клобуки.

Протоиакон Герман Иванов-Тринадцатый

ШТРИХИ ЭМИГРАНТСКОЙ ЖИЗНИ В ГОДЫ ВОЙНЫ

3

Мой муж, Алексей Петрович, поведал мне ещё о некоторых происшествиях из его жизни во время войны. Однажды он вышел со своей любимой Тётей Таней на главную улицу Белграда, Терразие. В первые дни немецкой оккупации, перед началом голода, ещё можно было где то купить мороженое. То есть «сладолед», по сербски. Они сели за столик прямо перед кондитерской, на улице, и им представилось ужасающее, зловещее зрелище: несколько человек болталось на виселице. Тетя Таня закрыла глаза своей рукой, но он уже успел увидеть. Эту страшную, жуткую картину муж запомнил на всю жизнь.

Немецкая комендатура, с которой, как и с римлянами, нельзя было шутить, издала три закона непосредственно касающиеся всего населения Белграда. Первый относился к полицейскому часу.

С шести часов вечера до шести утра никто не смеет выходить на улицу. Ходили патрули и можно было услышать выстрелы на улице. Любимый дядя Алексея Петровича - Дядя Игорь - видимо где-то задержался. Это было летом, уже после 6-ти часов вечера. Он вдруг услышал звук немецких, подбитых гвоздями, сапогов. Это приближался патруль. Он скрылся в чью-то подворотню, и простоял там некоторое время, и затем в полной тишине, уже не опасаясь за свою жизнь, добрался к себе домой.

Второй закон касался всех тех, кто подсказывали на ступеньки движущегося трамвая и ехали держась за ручку двери. Однажды немецкий патруль, состоявший из унтер-офицера и двух солдат, остановил трамвай, который не доехал ещё до остановки. Унтер-офицер, маленького роста, схватил одного стоявшего на ступеньке трамвая серба в штатском, которому было лет под 30, и начал его жестоко избивать. Он держал серба, здорового дядьку, за волосы и начал его колотить, наклонив его голову к своему колену. Бил его своим коленом в лицо. Собралась толпа. Все стояли молча. Лицо серба было окровавлено. Трамвай медленно начал двигаться. Окровавленный серб начал потихоньку уходить. Рядом с унтером стояли солдаты с автоматами в руках наготове, чтобы стрелять по толпе.

Третий закон запрещал переплывать реки Саву и Дунай. Алексей Петрович со своей Тётей Таней и её подруги, Ольгой Ольдекоп, которая пела в Белградской опере, и была красива собой, купались в купальне на Саве. Ольдекоп учила Алексея Петровича плавать.

Нужно сказать, что в тех местах на середине Савы очень быстрое течение с водоворотами. Один молодой серб, желая показать свое умение хорошего пловца перед молодыми сербками, доплыл до середины реки. Неподдалеку от того места куда он приплыл, Сава делает довольно большой поворот.

Вдруг из за поворота выплывает немецкая моторная лодка, в составе нескольких матросов, подплывает к пловцу, втягивают его в лодку и начинается избивание. Затем они скрылись, увозя с собой серба. Все присутствовавшие на пляже повскакивали на ноги и молча были свидетелями этой сцены.

А вот еще один случай. Правда это не относится к немецкой комендатуре с её драконовскими мерами.

Один молодой немецкий солдат, в пьяном виде, гонялся за молодой сербкой вокруг дома. Около них собралась толпа. Вдруг появилась немецкие военные полицейские на грузовике. Они отличались тем, что на груди носили большие железные бляхи. Немцев боялись, потому что они наводили террор на население. Возможно, что кто-то уведомил сербскую жандармерию, а она - немецких полицейских.

Они схватили нарушившего порядок своего товарища, на руках понесли, взвалили его на грузовик и уезжая начали его колотить.

Во время немецкой оккупации в Београде не было ни пищи ни топлива. Нельзя было ничего этого купить, даже если и были какие-нибудь деньги. Не говоря уже об одежде. Мама получала часть жалования отца, он ведь был в Русском Охранном Корпусе, как поначалу официально тогда называлось это формирование.

Она нашла в магазине башмаки на толстой деревянной подошве. До войны можно было иногда увидеть некоторых прихрамывавших слегка на одну ногу инвалидов. Это у них был один такой ботинок с толстой деревянной подошвой, которая приравнивала более короткую ногу к нормальной длины ноге. Кто-то придумал такую острогу, что теперь «обе ноги короче». К таким подошвам очень легко прилипает снег и на них образуются снежные мячики. На каждой по мячику. И вот на таких «мячиках» приходилось ходить по улице. Это взрослым.

А у меня была только одна пара ботинок, которую я очень долго носила. К счастью последний раз отец купил мне туфли на два номера больше. Это было перед войной.

Итак ничего не было, ни кофе, которое покупали у Майнла, ни сахара, ни риса, словом «хоть шаром покати».

Перед войной, когда моя стар-

шая сестра окончила Русско-Сербскую Женскую Гимназию, «са врло добро», («очень хорошо») ей купили у Майнла первые наилоновые чулки, которые после первого же раза пустили стрелку. Там покупали и шоколад.

И вот пришла зима 1941-го года.

Дров достать негде, больше не продают. Отец обыкновенно делал запасы дров, но они истощились. Топить нечем. Одна из сербок, стоявших в очереди, сказала, что есть такое место где можно брать деревянные доски. Мама решила пойти и узнать; взяла меня с собой.

Мы долго шли за город, помню была какая то общипанная роща, увидев её надо повернуть направо и перейти через железнодорожные рельсы. Издали уже виделись доски и бревна. Подошли. Никого кругом нет. Мама выбрала поближе лежавшее бревно, повернула его, подняла, обняла, и потащила. Мы двинулись обратно, к рельсам.

Вдруг окрик: «Баца дрво, убичу те», («брось бревно, убью»). Мама отвечает: «Убей, не брошу», и продолжает идти к рельсам. Начала дрожать земля, это приближался поезд. Мама мне велела стоять на месте пока пройдет поезд, а сама как могла быстрее побежала с бревном в руках вперед. Серб уже не преследовал. Поезд прошёл, а Мамы не видно! Первая моя мысль была что её раздавил поезд. Я с криком ужаса бросилась туда. Мама лежала на земле и рядом с ней бревно. Она подняла голову. Оказывается она пересекла рельсы и упала когда пришлось идти таща бревно под гору. А я не могла поднять бревно с другого конца, чтобы помочь Маме, мне было просто не по силам. Дома надо было его ещё перепилить, и я помогала в этом. Поставили деревянные козлы, - с одной стороны Мама, с другой я.

Маме был 41 год. Она исхудала от голодовки и была как скелет,

обтянутый кожей. У меня сохранилась её фотография того времени, - неприятно смотреть.

Кончились запасы бревна, когда наступила зима 1942-го года. У меня были сани и я просила Маму повезти меня на них в город. По улицам на тротуарах мальчишки выскальзывали на «клизалице». В некоторых местах на тротуарах видны были блестящие полоски. Можно было просто стаять на такую полосу и не двигаясь проскользнуть до самого конца.

На своих деревянных подошвах, таща санки, Мама несколько раз должна была проскользнуть по этим «клизалицам». Кончилось тем, что мы вернулись домой а у Мамы были вот эти самые снежные «мячики» на подошвах.

И опять забота: как обзавестись топливом. Но на этот раз было намного легче. У нас во дворе росли три высокие сосны. Надо было достать пильщика. Мама поговорила об этом с нашей соседкой *господжицей* Видой. Однако пришлось поделиться дровами и с пильщиком и с нею за то, что она его нашла. Всем досталось по одной сосне. На зиму хватило дров.

Недалеко от места где мы жили, бомба упала в угловой дом. Дом полностью растаскали. Только осталась горка внизу, где был фундамент, по которой можно было на прокатиться на санках. Это было для меня приятным развлечением между бомбардировками.

На занятия в гимназию я ходила только для того, чтобы не остаться на второй год. В Русском Доме, где была гимназия, помещение не отапливалось. Все сидели в тёплой одежде, не снимая даже пальто. Где-то Мама купила круглую чугунную печь надеясь, что можно будет её затапливать зимой. Это уже 1943-й год. Но теперь неоткуда было достать дров. Решили рубить наши деревянные стулья. Стол придвинули к кровати. Ну вот, стульев нет, что же делать теперь?

У Мамы ночью примёрзли волосы к стенке. Пришлось отрезать одну прядь волос. А волосы у Мамы были почти до колен. И еще одна беда обрушилась на нас. Появились вши в волосах. Мама вычесывала мне волосы частым гребнем, а мыла не было, воду согреть не на чем. Все были в таком же бедственном положении как и мы.

Как то раз в Иверской Часовне, что на кладбище, одна дама сказала Маме, что некий её знакомый молодой человек устроился работать кочегаром. И он наказал ей придти в назначенное место за городом, куда он сбросит уголь. Только просил не оставлять следов от угля на том месте, где он его высыпит. Дама предложила Маме пойти туда с ней за углём. "Только возьмите с собой мешок для угля", сказала она. Мама взяла одну из наволочек и мы пошли. Пришли в назначенное место, и так долго ждали, что уже думали что мы или не поняли правильно, или этот человек не смог приехать.

Наконец около нас остановился локомотив и оттуда посыпался уголь, брикет! И так много, что было достаточно и нам и ей. Как мы дотаскали этот уголь, я не знаю. Была невероятная тяжесть.

Но как приятно было сидеть в тепле около этой новой чугунной печки вечером того же дня. Мир не без добрых людей!

Графиня Елена Коновницына

Трибуна Читателя

О Г. Л. ЛУКИНЕ

Хочу поблагодарить за статью о начальнике Организации Российских Юных Разведчиков в Южной Америке, Георгии Львовиче Лукине ("Наша Страна" № 3118). Большое русское дело под его талантливым руководством меня всегда восхищало. Оно вносило утешение и надежду в серую изгнанническую жизнь. Восхищала та гордость, с которой произносилось слово русский, честный и прямой путь, избранный им, отдававшим бескорыстно свои силы на служение истинно-белому делу, прекрасному делу самопожертвования работы, в полном смысле слова, на ниве Отечества. В условиях дефицитности политической жизни эмиграции ОРИОР Г. Л. Лукина всегда показывала свою потенциальность.

На фоне большого числа организаций, его значительное и полезное начинание выделялось своей очерченностью и остротой.

Выделяется и до сих пор, благодаря его наследнику, нынешнему начальнику ОРИОР доктору П. Г. Лукину и его жертвенным сотрудникам. Честь и слава!

М. Климов

ВЕНГЕРСКОЕ ВОССТАНИЕ

Ещё о Венгерском Восстании 1956 года. Как только советчиками была

применена сила, на Западе сразу же заговорили не о коммунистическом империализме, а о «традиционном русском империализме». И канцлер Германии Конрад Аденауэр заявил, что необходимо считаться с якобы «русским панславизмом».

Д. Карамышев

ДОНОСЫ И ПРОВОКАТОРЫ

П. Балакшин - автор двух увесистых книг под названием «Финал в Китае», о тамошней русской эмиграции. Верить его информации, пожалуй можно, так как он повидимому, служил в американской разведке, а после Второй Мировой был приглашён генералом Мак Артуром, в качестве историографа.

После войны с японцами в его распоряжении оказались все секретные документы. Так вот, он пишет, что 5000 вывезенных из Китая русских эмигрантов, проживавших до прояснения их дальнейшей судьбы лагерем на филиппинском острове Тубабао, в течение одного года разослали во все стороны друг на друга 9000 доносов.

Было бы это возможно, если бы не наличие изрядного количества советских провокаторов, затесавшихся в эмигрантскую среду, с целью её разложения и натравливания всех против всех?

Б. Глебов

Контр-Адмирал К. П. Иванов-Тринадцатый

Воспоминания «РЮРИКЪ»

7

Третий выход отряда

Около середины июня отряд миноносцев начал готовиться к походу, также приготавлился к выходу и бывший пароход Добровольного флота «Москва», ныне вспомогательный крейсер «Рион». Приготовился к походу и наш отряд под флагом адмирала Безобразова. 15 июня мы вышли из Владивостока в составе крейсерского отряда, вспомогательного крейсера «Рион» и трёх миноносцев у него на буксире.

Подойдя к Гензану, крейсера продолжали свой курс на юг, «Рион» же остановился в море против Гензана, а миноносцы, отдав буксиры, бросились в Гензанскую бухту, где и произвели тарарам: обстреляли казармы японцев, разбили их береговую лёгкую батарею, потопили какой-то японский катер и благополучно выйдя из бухты, присоединились к «Риону», и под его крылышком и на буксире возвратились во Владивосток.

Мы же продолжали свой путь к Корейскому проливу. У нас ходили разговоры, что получено сообщение от наших шпионов, что на 17-ое июня назначен выход из портов Японии большого количества транспортов с войсками для высадки их в Корею и отправки под Артур. Наша задача была потопить эту армию японцев. Мы подошли к Корейскому проливу с таким расчётом, чтобы пройдя его ночью и повернув, выйти на главный встречный путь всех этих транспортов при первом рассвете.

И замедленным ходом, конечно без всяких огней. Начало рассветать, образовались берега Японии и Кореи, начинался хороший день без тумана при тихой погоде. Сигнал адмирала предвещал нас быть готовыми к полному ходу. Наконец начали постукивать неприятельские радио, принимавшие постепенно всё более и более оживлённый характер. Видимо наше присутствие в Корейском проливе было открыто неприятелем.

Адмирал, прибавив ход, сделал сигнал крейсерам: настроить свои радио на самую сильную волну и, сигнализируя, перебивать радио неприятеля. С такой трескотнёй искровых телеграфов мы ринулись в Корейский пролив.

Вскоре, ещё в утренней мгле, обрисовался силуэт громадного судна; освещение восходящего солнца делало его, каким-то стекляннопозрачным, а рефракция приподнимала из воды и страшно увеличивала размеры; мы полным ходом шли ему на перерез курса.

Панорама была очаровательная, но не на долго: через несколько минут, выглянувшее солнце обогрело своими лучами воздух, дымка рассеялась и перед нами очутился обыкновенный большой японский транспорт «Садо-Мару», возвращавшийся от берегов Кореи в Японию. Взвился сигнал об остановке, «Садо-Мару» не пытался даже бежать и застопорил машины. Далее последовал сигнал адмирала, предоставляющий

пароход в распоряжение «Рюрика».

Посланный баркас с призывной командой, после осмотра транспорта сообщил, что он возвращается из Кореи, имея на борту японских рабочих «кули» в количестве около 1000 человек, которые работали в Корею по устройству набережной для принятия пароходов с японскими войсками. Результат осмотра был передан семафором адмиралу — ответ получился определённый: дав время на спуск плавучих средств и устройства плотов для спасения людей, потопить транспорт минами, после чего «Россия» и «Громобой» начали медленно от нас удаляться, осматривая горизонт.

Такое распоряжение было сообщено японцам коротко и ясно: спасайся, кто может, через полчаса вы получите мину в борт. Наш баркас возвратился и «Рюрик» остался около своей жертвы в 4-х кабельтовых расстояния.

На «Садо-Мару» началась паника: спускали все шлюпки, переполненные недисциплинированной рабочей толпой; два бота, не выдержавшие нагрузки, первыми пали и наполняющие их пассажиры, как горох посыпались в море.

С транспорта сбрасывалось всё плавучее за борт, рубились станки, рубки, выбрасывались ящики, скамейки и т. п. И в воде связывались бесформенные плоты. Горячка действительно была страшная, но ведь и время, полчаса, не великое.

Наши два минных аппарата были заряжены и около них хлопотал взволнованный минный офицер лейтенант Зенилов, которому в первый раз в жизни пришлось видимо выпускать боевую мину по живой цели, и цепкая мысль сверлила в голове: «А вдруг, как промажу?». Наконец, данный им срок истёк, старший офицер по рупору передал команду в минное отделение: «Дать выстрел!»

Мина, со змеиным шипением вылетела из аппарата и нырнула в воду, забирая глубину. Все мы с затаённым дыханием следили за ходом её и мысленно высчитывая секунды, когда должен раздаться взрыв. След мины был замечен японцами, во множестве ещё не покинувшими своего парохода, они подняли вой, стремясь разбежаться от точки попадания мины в судно. Послышался глухой толчок, за трубой «Садо-Мару» взвился к небу белый столб не то пара, не то воды; в бинокль ясно было видно, как три человеческих тела были подкинута много выше мачт и в своём воздушном салютноморале бесформенно размахивали руками и ногами.

Транспорт начал крениться на левый борт и несколько осел в воду, потом задержался и казалось не хотел дальше тонуть. Здесь наш командир допустил ошибку, он обошёл «Садо-Мару» кругом и приказал пустить ещё мину в другой его борт. Пока совершался наш манёвр, большинство шлюпок с парохода, до нельзя переполненными людьми, медленно удалялись по направлению к японскому берегу, команда же парохода не

покидала его ещё. В воде плавало много народа с опрокинувшихся шлюпок и высыпавшихся из оборвавшихся ботов.

Выйдя на траверз другого борта, с «Рюрика» была пущена вторая мина, попавшая, приблизительно, тоже в середину корпуса; на этот раз взрыв произошёл под полной угольной ямой; громадный чёрный столб был доказательством удачного выстрела. Транспорт перестал крениться и стал выравниваться, в то же время погружаясь в воду. Мы были уверены, что его минуты сочтены, и согласно поднятого сигнала адмирала: ««Рюрику» присоединиться к отряду и вступить в своё место», начали разворачиваться машинами. Но эта уверенность оказалась преждевременной: «Садо-Мару» так и не утонул, его переборки выдержали и японцы отбуксировали его к себе в порт после нашего ухода.

Не могу забыть одного случая, служащего яркой характеристикой японцев в их героизме и патриотизме. Крейсер разворачивался, когда я был на юте, вдруг вижу в нескольких саженях от борта плывущего японца; видя, что водоворот от заднего хода должен будет его сейчас завертеть, я схватил лопарь вельботных талей и, набравши бухту, бросил ему; стоило только схватиться японцу за верёвку и через мгновение он был бы спасён и вытасчен на палубу, но он с презрением оттолкнул верёвку и потрясая угрожающе кулаком в мою сторону, восторженно только успел прокричать «Ниппон Банзай» (что имело смысл — да здравствует Япония) и захлёбываясь пошёл ко дну. Это был не военный человек, а простой чернорабочий „кули“.

«Рюрик» дал ход и присоединился к отряду. Пока мы болтались около «Садо-Мару», на нашу группу вышли ещё два больших транспорта «Хитами-Мару» и «Кинчо-Мару»; распознав, в чём дело (видимо, они никак не ожидали здесь присутствия русских крейсеров), они бросились на утёк, но было уже поздно. По сигналу адмирала «Громобой», развив до 22-х узлов свой ход, тотчас нагнал «Кинчо-Мару», заставил остановиться и приступил к осмотру его, а «Россия», дав пол-ный ход, пошла за «Китами-Мару», находящемуся в отдалении; он был пустой и потоплен подрывными патронами. Мы оставались в качестве зрителя около «Громобоя» и «Кинчо-Мару».

Осмотром, посланной с «Громобоя» командой, выяснилось, что на этом громадном пароходе находится два японских пехотных полка со своими знамёнами и обозом в полном комплекте; направлялись они для высадки в Корею. Пока длился осмотр, «Россия» вернулась со своей операции и также приблизилась к нам. Результат осмотра был передан адмиралу, который отдал распоряжение: «Японцам выдать знамёна, документы, оружие и сдать». После переговоров, японское командование на отрез отказалось исполнить

наше требование. Адмирал сделал сигнал: ««Громобой» потопить артиллерийским огнём». Осматривавшие транспорт офицеры с командой возвратились на «Громобой» и потом рассказывали, что ещё до их отъезда с парохода, там видимо догадались, что их смертный час настал, и начался последний кровавый пир. В салонах и кают-компаниях, где битком было набито японскими офицерами различных рангов, быстро появилось вино, к уничтожению которого они и приступили; верхние палубы сплошь были забиты солдатами, им тоже стало известным принятое решение своего начальства и передалось его настроение. Многие, открыв флаги со спиртными напитками вливали в себя содержимое, другие, таская из ножен штыки-тесаки, усевшись на палубе, прислонясь спиной к борту и обнажив полость живота, делали себе „хара-кири“.

«Громобой» отошёл от транспорта кабельтова на четыре и дал по нём залп из орудий левого борта. Сейчас же во многих местах парохода начались пожары и повалил густой дым. «Громобой» дал ход и пошёл прямо под нос транспорту, чтобы перейти на другой его борт.

Такой неосторожный манёвр чуть-чуть не стоил ему, быть может, очень дорого, потому что капитан «Кинчо-Мару» решился на отчаянный поступок: он дал своим машинам полный ход и чуть не протаранил «Громобоя», но там сообразили манёвр противника и «Громобой», увернувшись вправо, привёл транспорт себе в кильватер и избежал опасности.

Жестоко же поплатились в этот момент японцы за свою дерзость: кормовой залп из 8 дм. и 6 дм. орудий пронёсся по верхней его палубе в диаметральной направлении, в буквальном смысле слова, прочищая целые просеки в человеческой гуще, после чего транспорт остановился, должно быть получив повреждения машин, а «Громобой», после эволюции вправо стал лагом к транспорту и палил беглым огнём всех орудий борта на близкой дистанции. Меньше, чем через четверть часа после начала этой кровавой трагедии, «Кинчо-Мару» буквально был весь в огне и кренился на правый борт.

Обезумевшие люди кидались за борт, носились бессмысленно среди этого моря огня по палубам, издавая душераздирающие вопли. Ещё прошло минут пять и пылающая громада, свалившись на правый борт, пошла ко дну. Ни одного человека с транспорта не спаслось, они все погибли в огне и море.

Переживать такую картину, даже зрителю, тяжело; несмотря на то, что мы уже успели притупить свои души и нервы после первого нашего потопления пароходика под Сангарским проливом в начале войны, а также и то, что перед нами был военный противник, подавленность чувства испытывалась каждым. Но война не позволяет сентиментальничать.

(Продолжение следует)